

УДК 130.122:8

doi: 10.18101/1994-0866-2016-6-40-47

**ТЕМАТИЗАЦИЯ ИДЕИ «ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА»:
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**© **Корниенко Михаил Анатольевич**аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

В статье раскрывается эвристическая наполненность тезиса В. фон Гумбольдта о непротиворечивости отношения внутренней и внешней форм. Показано, что эти понятия разделимы только в абстракции. Интерпретируя их, нужно исходить не из идеи заключительного синтеза, но из тезиса об изначальном признании единства структуры. Доказывается, что понятие языковой формы в своем основании имеет не представление об элементе структуры языка, не эмпирическое явление языковой реальности, а язык в его действительной сущности, явленный как образ органического целого. Интерпретирована неточность определения языковой материи у В. фон Гумбольдта (использовано понятие пределов — звука и понятия, а между этими пределами заключено образующее формы языковое начало, а также внутренняя жизнь языка). Показано, что в наблюдении живого языкового процесса открывается готовая интенция быть выражением мыслительного содержания. Доказано, что начиная с работ В. фон Гумбольдта разработка начал и оснований языка осуществляется под эгидой понятия внутренней формы.

Ключевые слова: эйдос, форма, модификация, структурное единство, основания языка, звуковая форма, языковая материя, опыт, язык, натурфилософия, слово, мир, молчание.

Категориальный аппарат современной философии языка имеет в своем составе конструкт «внутренняя форма слова». Форма у Платона — прообраз, идеал вещи; этот прообраз не зависит от бытия вещи и обозначен как «эйдос» (греч. *eidos* — вид, образ, образец). Посредством этого категориального конструкта фиксировался способ организации объекта. Аналитики полагают, что соотношение эйдоса и субстратного архэ — фундаментальная оппозиция античной философии. Существует семантическая связь эйдоса и формы. Обретшая эйдос вещь — вещь оформленная. В философии Аристотеля материя — это предпосылка, возможность формы быть или не быть, в то время как внутренней целью вещи, обуславливающей единство формы и содержания, является форма.

Проблема соотношения материи (архэ) и формы всегда была одной из доминирующих проблем в натурфилософии эпохи античности; форма обладает креативным потенциалом. М. Фуко в образной форме охарактеризовал это следующим образом. Он писал о присущей античности «воле к форме». Само возникновение — это привнесение формы. Демиург создает вещи из материальной первоосновы, форма способна придать вещам определенность, «самость».

Содержательно категория «внутренняя форма слова» может быть интерпретирована лишь в границах отношения слова и мира, слова и мысли, что и было отмечено В. В. Библихиным, читавшим одноименный курс осенью 1989 г. и весной 1990 г. на философском факультете МГУ. Проблематика курса была обу-

словлена трудностями объяснения того, как может быть интерпретирован характер отношений в системе «мысль — вещь — мир — слово — язык». По сути, сам автор курса считал, что ставя вопрос о существовании внутренней формы слова, мы тем самым ставим вопрос о началах языка, о том, что лежит в основании языка. Традиция определения внутренней формы слова берет начало в трудах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, П. А. Флоренского, Г. Г. Шпета. В основании этой традиции положено вдумывание в язык, желание преодолеть односторонность лингвистического, логического и эстетического подходов с тем, чтобы выйти на онтологию языка.

Возможно ли видеть в слове лишь обозначение или именование? В. В. Библихин, отвечая на этот вопрос, пишет о слове как об ответе на «захватывающий вызов вещей», на то, «в чем человек угадывает себя — на мир». Человеческое слово по сути своей возникает в основе молчания, поскольку «...вступить в отношение к себе, стать словом мог и опыт тайны мира, опыт тишины, умолкания задумавшегося человеческого существа среди шума мира; язык — целое участие человека в Цели (в мире); значимость слов — не отражение, не обозначение, а то же самое, что значимость вещей, мира. Понимание этого, полагает В. В. Библихин, «...требует отказаться от представления внутренней формы слова как некоей законодательной инстанции, заранее обеспеченной смыслом, диктующей его и тем создающей слово. Внутренняя форма слова начинает видеться не как нечто отдельное, отделимое от слова, как, к примеру, ядро ореха от его скорлупы; сами привычные понимания внутреннего и внешнего опрокидываются, смещаются в новое измерение, близкое «временипространству» Хайдеггера, «переключению зрения» Витгенштейна. Внутренняя форма — это то, чем язык должен стать. «...Язык для отвода глаз, от себя к сути, к смыслу, к цели». Внутренняя форма слова — как голубая глубина неба, как вместимость чаши... «Слова сами внутренние формы; *каждое* слово как колодец, из которого чем больше черпаешь, тем чище вода; нельзя исчерпать слово до конца, оно внутренняя форма в своей сути; всегда наша вина, когда слова мелкие, не их самих...» [1, с. 8–9]. Принимая обозначенную интерпретацию термина «внутренняя форма слова», мы считаем, что смысл словосочетаний «внутренняя форма как существо слова» и «слово как внутренняя форма» тождественен.

Отыскать основание языка и его начала, увидеть то, что стоит за языком, — все это можно сделать, поняв сущность внутренней формы языка. Эти поиски берут начало в «форме форм античности» и интерпретации «внутренней формы» Плотина, хотя рационализированное понятие «внутренняя форма» находим еще у Платона: это значение платоновского эйдоса (прообраза, нормы, правила). Но Платон пользуется понятием, термина же «внутренняя форма» у Платона нет; термин этот мы находим у Плотина в «Эннеадах» — так названы 54 трактата Плотина, систематизированные его учеником Порфирием и известные как «шесть девяток». В «Эннеадах» представлена интерпретация платиновского универсума. В «Девятках» раскрывается природа человека, рока, космоса, промысла; Плотин пишет о душе, уме (нусе), Едином. В трактате «О красивом» Плотин говорит о красоте достоинств (добродетелей): прекрасное — «в зрении», в музыке; идя выше, видим прекрасные «предприятия», поступки, настроения, знания и «красоту добродетелей», что В. В. Библихин, анализируя Плотина, назовет «нрав-

ственным призывом» [1, с. 397]. Явившись основателем неоплатонизма, Плотин (204/205 — 269) синтезировал идеи Аристотеля и Платона, стоиков и неопифагорейцев (в неопифагорействе взято учение о «двоице»). Первосущностью является Единое («отец причины»), на нем основывается иерархия бытия. Благо — единая Первосущность, Первоначало. В силу своей сверхчувственной и сверхмыслимой природы эта Первосущность выступает как Неизреченная. Единое — выше сущего, «за пределами бытия». Ум — Душа — Космос, как сферы бытия, — осуществление Единого, в вечности и во времени. Ум, созерцающий себя, прекрасен; вечная душа стремится к единому и смотрит на тот Космос, что создан ею; в подлинной сфере созданного душой Космоса чередой идут гибель и возникновение. И Единое, как Первосущность, как «отец причины», «сияет в своей прекрасной благодати».

Плотин говорит о форме форм, и этой формой форм выступает Единое; Душа привлечена тем, что участвует в эйдосе, ведь она — из рода эйдосов. Плотин определяет эйдос через то, как он превращает вещи в прекрасные: единством состава, представленной в этом единстве соупорядоченностью, одинаковостью цели и согласием. Это единство в эйдосе приобретает совершенство, в этом совершенстве эйдос предстает как «смысл от высшего, божественного».

Возрождение платонизма в эпоху Возрождения шло под знаком Платина. Во втором Диалоге трактата «Delacausa» неоплатоник Возрождения Дж. Бруно, обращаясь к идее прекрасного, расширяет границы формальной причины и формы (им вводится понятие органически-космического) и сопоставляет формы — внутреннюю и внешнюю. Внутренняя форма существует благодаря «внутреннему художнику», он оформляет материю, и это подобно появлению стебля и ствола из корня и семени.

Позднее в традициях английского платонизма XVII в. Шефтсбери использовано понятие «формирующие формы»; с этим связан его тезис о том, что красота — не в материи, но в формирующей силе (*formingPower*) искусства: вы восхищаетесь духом или его действием. Среди степеней красоты — мертвые формы, им не свойственна формирующая сила, они лишены активности; формирующие формы — они действительны и активны в силу присущей им жизни; наконец, высшее проявление красоты — формы, формирующие формы. Они — внутренние формы (*theinwardforms*). Эта традиция использования понятия «внутренняя форма» в эстетическом дискурсе присуща и В. фон Гумбольдту. В работе 1799 года «Эстетические поиски» В. фон Гумбольдт говорит о поэзии как об искусстве языка; создавая поэтическое произведение, поэт решает одновременно две проблемы: создаваемое необходимо «для внутренних и внешних форм, для мира и человека». Этот тезис в интерпретации Г. Г. Шпета в его исследовании «Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта» звучит следующим образом: «Всякий истинный художник относится к одному из двух типов: он бывает более склонен или заявить право индивидуальной природы языка на то, чтобы быть искусством, или выявить индивидуальную природу искусства через посредство языка, другими словами, или сообщить форму и жизнь безобразным, мертвым мыслям, или образно и наглядно поставить перед воображением живую действительность. Во внешних формах мы имеем дело с совершенною наглядностью, во внутренних — с всеохватывающею истиною» [2, с.57].

Далее подробнее рассмотрим тот способ, которым В. фон Гумбольдт переносит понятие «внутренняя форма» в сферу языковой реальности. Как он понимает внутреннюю форму слова? Парадоксально, но В. фон Гумбольдт, чьи работы лежат в основании традиции исследования внутренней формы слова (наряду с работами Флоренского, Потебни, Шпета), нигде на страницах своих трудов, оставшихся незавершенными, не прибегнул к этому понятию, но использует понятия «внутренняя форма языка», «форма внутреннего языка» (В. фон Гумбольдт. Избр. труды по языкознанию. М., 1984 (переиздано — М., 2000), с. 100–107, §20).

Один из разделов ключевой работы В. фон Гумбольдта «О различии строя человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» озаглавлен «Форма языков», в работу также включен раздел «Внутренняя форма языка» («Форма внутреннего языка», §21). Исследователь, раскрывая процесс языкотворчества, излагает это таким образом, что язык не есть мертвое порожденное, но есть некое порождение. И тогда, когда осуществляется большее абстрагирование от того, что делает язык, обозначая предметы и понятия, когда осуществляется возвращение к происхождению языка, переплетенному с внутренней деятельностью духа, к их (духа и языка) взаимному влиянию, именно тогда возможным становится увидеть: язык не умирает в мертвой букве, он — не «мертвое порожденное», но «некое порождение» (термины В. фон Гумбольдта). Язык порожден созерцанием мира, это созерцание совершается духом.

В разделе «Форма языков» работы В. фон Гумбольдта «О различии строя человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» автором тематизирована идея о том, что язык — некое порождение, и его возникновение нужно видеть во внутренней деятельности духа, во взаимовлиянии языка и духа: «Сила [духа] ...индивидуально различна. Различие проявляется в виде перевеса внешнего воздействия [мертвых форм языка] над внутренней самодетельностью или наоборот... Как индивиды силою своей самобытности придают человеческому духу новых размах в движении по дотолем не проторенному пути, так действуют народы в своем языкотворчестве. Языкотворческая сила через самый акт превращения мира в мысли, совершающийся в языке, гармонически распространяет животворящее веяние по всем частям его области. Если вообще возможно, чтобы народ создал такой язык, в котором максимально осмысленное и образное слово порождалось бы созерцанием мира, воспроизводило бы в себе чистоту этого мирозозерцания и благодаря совершенству своей формы получало возможность с предельной легкостью и гибкостью входить в любое сцепление мыслей, то этот язык непременно должен был бы вызывать в каждом говорящем взлет той же духовной энергии, действующей в том же направлении. Вступление такого или даже хотя бы приближающегося к такому языка в мировую историю должно поэтому полагать начало важной эпохе на пути человеческого развития, причем как раз в его самых высших и удивительных проявлениях» [3, с.67].

В. фон Гумбольдт пишет о ситуации, в которой язык предлагает исследователю множество частных (слова, правила, аналогии); за этими частностями стоит единство образа (*bildes*, формы) человеческого духа. В начале §12 В. фон Гумбольдт вводит понятие движущей формы: «Язык сам есть вовсе не произведение (*Ergon*), но некая деятельность (*Energiea*). Его истинным определением

может быть только генетическое» [3, с.70]. В. В. Библихиным предложен собственный перевод этой работы. В нем автором приведено тонкое наблюдение: центральным понятием этого раздела становится не понятие *Ergon*, и не понятие *Energiea*, но словосочетание *Die Sprachesebst* — «сам» язык. Эта деталь и позволила В. В. Библихину сделать важнейшее по своей сути заключение о том, что именно этим понятием В. фон Гумбольдт «выдал язык для анализа», разведя понятия язык «не сам» и язык «сам»: «Этот принцип, извод гумбольдтианской метафизики, начинает двухсотлетнюю историю редукции языка к психологии, истории, структуре, социологии, архетипам, «тексту»... Главное выдано: за формами языка есть внутренняя форма — формирующая идея духа» [1, с.195]. Эту формирующую идею духа возможно увидеть не в языке фактическом, но лишь в языке настоящем (*eigentliche Sprache*). Отсюда вывод В. В. Библихина: «Истинное определение может быть только генетическим». Эта идея, по сути, и была положена в основу возникшей в середине XX в. генеративной, порождающей, так называемой трансформационной грамматики, основы которой были заложены Н. Хомским. В «Аспектах теории синтаксиса» [4]. Н. Хомский говорит о роли грамматики языка, — она стремится быть описанием компетенции, присущей говорящему-слушающему. Лишь в ситуации, когда грамматика способна обеспечить эксплицитный анализ языковых компетенций, она может быть названа порождающей грамматикой, той системой правил, что приписывает предложениям структурные описания. Сложность, на наш взгляд, заключена в том, что в каждом языке, в каждом новом случае использования языка как поверхностные, так и глубинные структуры, как и компоненты компетенции, будут представлены иначе. Назначение порождающей грамматики, по Н. Хомскому, заключено в том, чтобы «охарактеризовать в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое дает основу для действительного использования языка говорящим-слушающим» [4, с. 13–14]. Н. Хомским использовано понятие порождающей модели языка, интерпретируемой автором как внутренняя форма языка. По сути, это экспликация идеи В. фон Гумбольдта о «форме языка», идеи, изложенной в работе «О различии строя человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода». Именно «внутренняя форма языка» и есть «порождающее начало», у Н. Хомского она — в цели высказывания, в полноте осуществления высказывания; порождающая же модель генеративной грамматики — помещенный за скобки ситуативный смысл предложения, определяющий порождающие структуры, то, что нужно предложению до заранее известного аналитику смысла.

Применяя и разрабатывая понятие «внутренняя форма» в дискурсе эстетики (об этом свидетельствует исследование поэзии Шиллера), В. фон Гумбольдт впервые определяет поэзию как искусство языка (*die Kunst durch Sprache*). Начиная с 1799 г. понятие «внутренняя форма» используется им применительно к сфере языковой реальности как таковой. В. фон Гумбольдт говорит о «синтезе двух синтезов», понимая под этим единство внутренних и внешних форм поэзии. В языке это «синтез синтезов» чувственного и мысленного, отвлеченно-логического и внутренней языковой формы. Он полагает, что именно в этом синтезе двух синтезов, в «глубокой и необъяснимой части своих приемов язык напоминает искусство». При этом автор полагает, что это напоминание, схожесть

способны проявить себя лишь на представлении о различии языка и искусства: язык — функция, связанная с воображением. Сходство же обусловлено деятельностью духа и проявляет себя в достаточно общих приемах.

Эвристически наполненным является и тезис В. фон Гумбольдта о том, что отношение внутренней и внешней форм не имеет смысла противоречия; как отмечает Г. Г. Шпет, «внешняя и внутренняя формы взаимно не требуют преодоления или устранения. Они делимы лишь в абстракции, и не заключительный синтез нужен, нужно изначально признание единства структуры» [2, с. 59–60].

Источником того неясного, что касается внутренней языковой формы в теории В. фон Гумбольдта, по мнению Г. Г. Шпета [2, с. 60], явилось нечетко определенное место, которое отведено внутренней форме в структуре слова. Само же понятие языковой формы в своем основании имеет не представление об элементе структуры языка, не то или иное эмпирическое явление языковой реальности, но язык в его действительной сущности (*in ihrem wirklichen wesen*), явленный как образ органического целого (*in das Bildeines organischen Jansen*). Артикулированный звук может выразить живую мысль благодаря тому, что сам язык — явление живое и подвижное, это деятельность, это энергия, это работа духа, тот способ, которым обозначенная деятельность реализована, единообразна в действии энергии. Поэтому можно говорить о формах языка, понимая под ними не что иное, чем формы, предзаданные правилами грамматики. Эти формы, представленные как способы, методы осуществления энергии, являют собой совокупность и последовательность приемов и принципов, создающих действительную сущность целостной органики языка.

Подобным образом интерпретированная форма существует благодаря материи языка, в органической целостности языка из неоформленной материи; как неоформленная материя существовать не может, она способна к существованию лишь в оформленности. Интересна интерпретация, даваемая Г. Г. Шпетом материи языка в концепции В. фон Гумбольдта. «С двух сторон, — пишет Г. Г. Шпет, — Гумбольдт ограничивает языковые формы и... указывает возможную «условно-безусловную» материю языка. С одной стороны, это звук вообще, с другой стороны, совокупность чувственных впечатлений и самостоятельных движений духа, предшествующих образованию понятия с помощью языка» [2, с. 62].

Посредством «самостоятельных движений духа» звук оформлен, как оформлен и человеческий опыт, сформированный в понятиях. И далее у Г. Г. Шпета: «Простое название понятий, простое обозначение их устанавливает для нас нерасторжимое единство условного знака (с его системой) и (связующего вещи в систему) понимаемого смысла этого знака» [2, с. 64].

Неточность определения языковой материи В. фон Гумбольдтом, по мнению Г. Г. Шпета, очевидна. В. фон Гумбольдтом использовано понятие пределов — звука и понятия, между этими пределами заключено образующее формы языковое начало, а также внутренняя жизнь языка. Однако оба предела, обозначенных В. фон Гумбольдтом («звук» — «чистое мыслительное содержание»), создают проблему синтеза двух отторгнутых друг от друга синтезов. И если, как считает Г. Г. Шпет, «подойти к звуку» в предельном моменте его превращения в «членораздельный звук», мы в самом этом превращении, как и подметил сам В. фон Гумбольдт, не независимо от своих определений, а в наблюдении действи-

тельно живого языкового процесса открываем готовую интенцию быть выражением мыслительного содержания» [2, с. 65]. Одно без другого в языке не существует, «...мыслительное или смысловое содержание, оснащенное оформленным звуковым содержанием... раскрывает свою интенцию объективного осмысления» [2, с. 65].

Г. Г. Шпет завершает свой анализ выводом о двух значениях термина «материя языка» — по сути своей это два мыслимых предела, однако пределы эти могут существовать лишь в своей оформленности. На этом строится и интерпретация понятия «форма». Формально это отношение двух терминов-пределов, реально это «языковая энергия, образующая языковой поток в некое структурное единое целое».

Завершая анализ позиции В. фон Гумбольдта в вопросе о внутренней форме, Г. Г. Шпет предлагает в ее определении ориентироваться на два момента: если в пределах первого внутренняя форма не есть чувственно-данная звуковая форма и не есть также форма самого мышления, понимаемого абстрактно, как не есть она и форма предмета, конституирующего мыслимое содержание какой бы то ни было модификации бытия, предмета, также понимаемого абстрактно», то в пределах второго «внутренняя форма пользуется звуковой формой для обозначения предметов и связи мыслей по требованиям конкретного мышления, и при том она пользуется внешнею формой для выражения любой модификации мыслимого предметного содержания, называемого в таком случае смыслом, настолько необходимо, что выражение и смысл, в конкретной реальности своего языкового бытия, составляют не только неразрывное структурное единство, но и себе тождественное *sui generis* бытие (социально-культурного типа). Мы полагаем, что внутренняя форма слова заключена скорее между этими полюсами, не являясь ими.

После В. фон Гумбольдта проблема внутренней форма превращена в доминирующую проблему философии языка; по сути своей, начиная с В. фон Гумбольдта, разработка начал и оснований языка осуществляется под эгидой понятия внутренней формы.

Литература

1. Бибихин В. В. Внутренняя форма слова. — СПб.: Наука, 2008. — 420 с.
2. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 216 с.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 37–298.
4. Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 126 с.

THEMATIZATION OF THE CONCEPT «INNER FORM OF THE WORD»:
PHILOSOPHICAL APPROACH

Mikhail A. Kornienko

Research Assistant, Department of Automation and Robotics in Mechanical Engineering,
National Research Tomsk Polytechnic University
30 Lenina Prospect, Tomsk 634050, Russia
E-mail: anna_kornienko@mail.ru

The article reveals the heuristic completeness of W. von Humboldt's thesis on the consistency of internal and external forms correlation. It is shown that these concepts may be separated only in abstraction, and while interpreting them we should come not from the idea of final synthesis, but from the thesis on initial recognition of the structure unity. The article proves that the concept of linguistic form has at its foundation not the idea of an element in language structure, not an empirical phenomenon of linguistic reality, but the language in its real essence, which is manifested as an image of the organic whole. The inaccuracy of W. von Humboldt's definition of language substance is interpreted (the limits of sound and concept, between which the language basis or the inner life of a language is placed). The ready intention to be an expression of intellectual content is opened in observation of the language living process. In the article we prove that starting with the work of W. von Humboldt development of the principles and essential elements of a language are based on the inner form of a concept.

Keywords: eidos, form, modification, structural unity, linguistic grounds, sound form, language substance, experience, language, natural philosophy, word, world, silence.

References

1. Bibikhin V. V. *Vnutrennyaya forma slova* [The Inner Form of the Word]. St Petersburg: Nauka Publ., 2008. 420 p.
2. Shpet G. G. *Vnutrennyaya forma slova. Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The Inner Form of the Word. Etudes and Variations on Humboldt's Themes]. Moscow: Librokom Publ., 2009. 216 p.
3. Humboldt W. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoe razvitiye chelovechestva [About Differences in the Structure of Human Languages and Its Influence on the Spiritual Development of Mankind]. von Humboldt W. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu — Selected Works on Linguistics*. Moscow, 1984. Pp. 37–298.
4. Khomskii N. *Yazyk i myshlenie* [Language and Thought]. Moscow: Moscow State University Publ., 1972. 126 p.